

отношение к традиции церковного богослужения, с одной стороны, независимого, самодостаточного крестьянского мира, с другой — находящегося в подчиненном положении перед вышестоящим церковным начальством священника. Суть конфликта в том, как стороны смотрят на проблему. Для крестьян незыблемость веками устоявшихся церковных обрядов очевидна и священна, и они готовы отстаивать свою позицию. Для священника, который выступает в роли наемника, мнение мира, нанявшего его, имеет большое значение, но перевешивает боязнь потерять священнический сан, что целиком зависит от священноначалия. Церковный староста от лица прихода отказал священнику от церкви. Но священник возвратился с новой грамотой от поповского старосты, в которой приказывалось вернуть его на прежнее место. Крестьяне повиновались, но мнение свое по поводу нововведений не изменили. Крестьянский мир не решился пойти на открытое сопротивление церковным властям. Протестные настроения выразились в пассивной форме — в отказе посещать богослужения, совершавшиеся по-новому, в недопущении в свои дома священника, служащего по-новому. Однако крестьяне проявили способность критически оценить распоряжения священноначалия и выразить свое отношение к неправильным, на их взгляд, решениям.

Недовольство прихожан — это первое, с чем сталкивались реформаторы на начальной стадии реформы. В дальнейшем, по мере ужесточения репрессий и введения тотального контроля над инакомыслием, выражать протест через приход стало невозможно. Возникли новые формы протеста, связанные с решительным разрывом с реформированной церковной организацией, такие как уход в тайные поселения и готовность умереть в огне за свои убеждения. Что касается Печниковской волости, то устойчивые староверческие традиции и негативное отношение к господствующей церкви сохранились в этой местности вплоть до начала XXI в.

П. С. Стефанович (Москва)

ДАТЬ «МИРА ДЕЛЯ» — ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

В части «начального летописания», касающейся образования государства руси, есть эпизод, вызывающий большие трудности в интерпретации, — установление власти Рюриковичей в Киеве. В частности, там говорится, что Игорь (по Новгородской первой летописи младшего извода (далее — НЛМ)) или Олег (по «Повести временных лет») установил дань с определенных народов, а «от Новагорода гривень 300 на лѣто мира деля». В специальной работе я попытался реконструировать первоначальный текст этого рассказа и привел аргументы в пользу того, чтобы считать версию НЛМ более древней, а эти ежегодные 300 гривен рассматривать как платеж с Новгорода в Киев [Стефанович, с. 5–35]. Но непонятным остается пояснение об этом платеже как «мира деля». О каком «мире» идет речь?

Проведенный анализ летописного известия заставляет отвергнуть обычную трактовку, что деньги собирались с Новгорода для «замирения» варягов (наемников, агрессоров), — платеж шел в пользу именно киевских князей Руси, а не каких-то варягов. Выражение «мира деля» сопоставлялось также с названием налога в древней Чехии, который выплачивался свободными земледельцами в королевскую казну ежегодно с определенного количества обрабатываемой земли — *tributum pacis* («дань мира»). Вероятно, это название связано с архаическим представлением о «княжеском (королевском) мире»: обеспечивая общественное согласие, правитель взимал за это плату [Třeštík]. Однако это сопоставление (которое я сначала поддержал) неудачно. Суть древнечешского *tributum pacis* и побора с Новгорода разная: в первом случае это налог с земледельцев, во втором — выплаты из одного политического центра в другой.

Более уместной выглядит другая аналогия новгородской «дани мира деля». Ее можно обнаружить в финансовом соглашении между шведским конунгом и Готландом, о котором повествует так называемая «Сага о гутах». «Сага о гутах» (или «Гутасага») была записана в середине XIII в. как введение к сборнику права Готланда, и ее содержание сводится к рассказу об истории гутов с момента заселения ими острова до христианизации в XI в. Важная часть рассказа посвящена истории вхождения Готланда в состав Шведского государства, в том числе довольно подробно описываются условия присоединения, которые понимаются как действующие на момент рассказа. «Гутасага» относит соглашение со шведским конунгом к языческим временам, и его заключение приписывается некоему мудрецу или колдуну Авайру Соломенной Ноге (выступающему явно в роли «культурного героя»). Этот Авайр, согласно рассказу, «заключил нерушимый договор с конунгом свеев. Шестьдесят марок серебра ежегодно — это дань [scat] гутов, причем конунг Швеции должен получать сорок марок серебра из шестидесяти и ярл (второе лицо после конунга. — П. С.) — двадцать марок серебра. Этот договор он заключил по совету страны, (данному ему) до того, как он уехал из дома. Так гуты добровольно подчинились конунгу свеев, чтобы

они могли свободно посещать все места в Швеции без пошлины и всех (других) платежей. Также и свеи имеют право посещать Готланд без запрета на ввоз зерна или других запретов. Конунг свеев должен был защищать гутов и оказывать им помощь, если они нуждались в этом и требовали этого. Конунг и равным образом ярл должны посылать посланцев на тинг всех гутов и велеть (им) там взимать свою дань. Посланцы должны объявлять гутам мир [frið], чтобы (они могли) плыть через море во все места, которые принадлежат конунгу Уппсалы (то есть конунгу Швеции. — П. С.), и равным образом (мир) тем (подданным конунга. — П. С.), которые держат путь сюда (на Готланд)»¹.

По мнению современных историков, несмотря на очевидные легендарные черты рассказа, основные условия этого договора между конунгом свеев и Готландом выглядят вполне правдоподобно для эпохи XI — первой половины XIII в. [Чернер, с. 30–31, 37–39]. Платеж в 60 марок в пользу конунга и ярла назван в оригинале *scat*, то есть просто «деньги». Как ни оценивать происхождение этого платежа и ни называть его (данью, как в русском переводе, пошлиной или как-то иначе), понятно, что речь шла об отношениях, построенных на более или менее взаимовыгодной основе: за деньги жители острова могли рассчитывать на «защиту и помощь», но главное — на «мир», то есть свободу передвижения по всем местам, где признается власть конунга, и беспошлинную торговлю.

Если сравнивать этот платеж с побором с Новгорода, то сразу обнаруживаются совпадения. Во-первых, готландцы сами собирали *scat*, и сумма — фиксированная. То же самое и с новгородским платежом. Во-вторых, близки размеры суммы: 1 скандинавская марка равнялась примерно 4 древнерусским гривнам, если переводить их на серебро (исхожу из определения гривны как «двадцатки дирхемов»); 60 марок = 240 гривен, ср. 300 гривен с Новгорода. В-третьих, и в «Гутасаге», и в летописи важным условием выплаты является сохранение «мира». Сопоставление с «миром» шведов и готландцев позволяет допустить, что за выражением «мира деля» стояло соглашение о свободном передвижении и, главное, беспошлинной торговле. Достаточно вспомнить о «пути из Варяг в Греки» и указать на современные работы, подчеркивающие важность транзитной торговли в эпоху образования Древнерусского государства.

Эти совпадения, каждое из которых может быть признано случайным, все вместе указывают на структурно-типологическую аналогию. Речь идет о соглашении между торгово-экономическим центром, который заинтересован в свободной торговле и политической стабильности, и военно-политическим центром, который заинтересован в доходах и контроле. Такого рода соглашения были не только между Швецией и Готландом, но и между норвежскими конунгами и островами, заселенными выходцами из Норвегии. Какие-то подобные договорные отношения историки предполагают между Хедебю (Хайтабу) и датскими и германскими правителями, Волином и польскими князьями. Новгород и поднепровская Русь вписываются в этот ряд.

Литература

Стефанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 5–35.

Чернер С. Происхождение и развитие государственной системы на острове Готланд в средние века / Пер. С. Л. Никольского // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1999 год. М., 2001. С. 26–43.

Tréšník D. Počátky přemyslovské státnosti mezi křesťanstvím a pohanstvím // Stát, státnost a rituály přemyslovského věku. Problémy, názory, otázky. Sborník příspěvků z konference konané dne 18. října 2005 v Brně, ed. Martin Wihoda, Demeter Malat'ák. Brno, 2006. С. 25–46.

¹ Сага о гутах / Перев. и примеч. С. Д. Ковалевского // Средние века. М., 1975. Вып. 38. С. 309.

С. В. Стрельников (Санкт-Петербург)

К ИЗУЧЕНИЮ ВКЛАДНЫХ КНИГ ТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Монастырские вкладные книги содержат весьма ценные сведения по истории монастырской культуры, землевладению, генеалогии, строительству и т. д. В них заносились записи о вкладах при пострижении, на помин души, за здоровье и т. п. За последнее десятилетие изучение вкладных книг заметно продвинулось, что связано с введением в научный оборот и публикацией новых источников данного вида документации. Значительная часть таких исследований проводилась либо на материале синодиков, либо — приходо-расходных книг. В одной из работ, посвященных изучению записей о денежных вкладах в приходо-расходных и вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, ее автор Э. В. Дмитриева поставила вопрос о дублетности информации о вкладах в монастырской документации. При этом Э. В. Дмитриева привела две противоположные точки зрения по этой проблеме: Т. В. Сазоновой и мою. Т. В. Сазонова

